

— Ты всё ещё не слышишь звука? — спросил Лу Сяофэн Хуа Маньлоу. — Стоя здесь, я слышу его яснее. Звон цимбал, но звук цитры я не могу различить.

Он сожалел:

— Почему именно я, человек, не разбирающийся в музыке, должен слышать это? Если бы ты услышал, возможно, смог бы запомнить мелодию. То, что я слышу, кажется лучше, чем то, что ты иногда играешь. Это должно быть что-то особенное, раз уж это сохранилось на протяжении сотен лет.

Хуа Маньлоу также вздохнул:

— Да, раньше одна корова испытывала подобное замешательство.

...

Лу Сяофэн, который в одночасье превратился из домашней птицы в домашний скот, закатил глаза:

— Да, да, я — тупой бык, не понимающий романтики!

— Брат Лу, ты ошибаешься, — покачал головой Хуа Маньлоу, размахивая веером. — Если ты говоришь, что не понимаешь романтики, то, наверное, все девушки в мире будут не согласны.

Лу Сяофэн посмотрел на него с подозрением:

— Хуа Маньлоу, ты всегда вспоминаешь прошлое. Это не похоже на тебя, Седьмой господин Хуа. Или ты хочешь, чтобы я напомнил тебе о твоих прошлых делах? Я помню, что совсем скоро кто-то снова отправится на этот чёртов остров в Южном море, чтобы встретиться с этим чёртовым правителем.

Чем дальше он говорил, тем кислее становился его тон. Какие девушки в мире могут сравниться с этим правителем Е Гучэном, чья красота не имеет равных? Лу Сяофэн всегда считал, что Е Гучэн был вынужден жить на острове только потому, что девушки, завидовавшие его красоте, вытеснили его. Кто в молодости захочет жить на острове? Даже Симэнь Чуйсюэ, в костях которого высечена гордость, предпочитает скрываться в городе.

— У меня с правителем Е только музыкальная дружба, — с уверенностью сказал Хуа Маньлоу.

— А у меня с этими девушками только дружба за выпивкой, — подражая ему, ответил Лу Сяофэн. — Раньше было так, а в будущем, возможно, даже этого не будет.

Этот вопрос нужно было прояснить, чтобы в будущем это не стало причиной его извинений перед кроватью.

— Вы двое закончили?

Вдруг сзади раздался холодный голос, и Симэнь Чуйсюэ стоял за ними, его выражение лица было неопределённым, но тон явно выражал недовольство — сейчас не время для их флирта!

— Кхе-кхе, — Лу Сяофэн, с более толстой кожей, обернулся, пока Хуа Маньлоу не сделал этого, и, потирая нос, посмотрел на бога меча. — Симэнь, ты слышал выражение «не подслушивай»? Мы не специально тебя мучили, ты мог бы просто уйти вперёд.

Хуа Маньлоу уже наступил ему на ногу и пошёл дальше.

Симэнь с выражением «я не понимаю, о чём ты» также вошёл в лесную тропу, а Лу Сяофэн, прихрамывая, последовал за ним — Седьмой господин, ты мог бы хотя бы прилюдно поддержать меня.

...

Днём в лесу было не так страшно, как ночью, но через некоторое время после того, как они вошли, Лу Сяофэн услышал, как музыка становилась всё громче. Впереди Симэнь Чуйсюэ остановился, Хуа Маньлоу тоже замер, и только Лу Сяофэн продолжал идти, чуть не столкнувшись с Симэнем:

— Что случилось?

Он почесал ухо, чтобы скрыть смущение.

— Здесь есть запах зверя, — сказал Симэнь Чуйсюэ, его лицо было серьёзным, и он уже держал меч.

Лу Сяофэн посмотрел на Хуа Маньлоу, и тот тоже был готов к битве. Лу Сяофэн задумался — почему он слышит то, что они не слышат, а они чувствуют то, что он не чувствует? В чём проблема?

— Это опасно, — Хуа Маньлоу, кажется, понял его замешательство, держал веер в правой руке в защитной позе, полукругом окружая себя и Лу Сяофэна.

Внезапное ощущение опасности было сильнее, чем всё, что они встречали раньше.

— Опасно?

Лу Сяофэн почувствовал мягкость в сердце, немного приблизился и тоже взялся за веер. Они стояли в позе, готовые начать вальс, не хватало только обнять друг друга. Бедный бог меча, хорошо, что у него в голове была одна струна, которая не работала, иначе он бы уже стал одиноким псом.

В этот момент Лу Сяофэн услышал, как музыка внезапно прекратилась, а затем в лесу раздался знакомый рёв зверя, похожий на тигра и медведя одновременно, но более громкий и яростный, чем раньше. Он был оглушительным, сметая всё на своём пути, и весь лес задрожал.

— Осторожно!

Лу Сяофэн схватил Хуа Маньлоу и отпрыгнул назад, а Симэнь Чуйсюэ уже взмахнул мечом. Перед ними несколько рядов бамбука с треском упали, а затем, подхваченные энергией меча, полетели назад, сбивая ещё больше бамбуков. Рёв продолжался, бамбук ломался, падая на ещё стоящие деревья, и через мгновение лес превратился в хаос. Там, где раньше была густая заросль, теперь лежали груды сломанного бамбука, и внезапно открывшееся пространство не принесло облегчения, а лишь усилило удивление.

Что это за зверь? Кажется, он даже сильнее тигра! Зачем его выпускают?

Неужели Цин Цю и его люди действительно использовали четыре сокровища, чтобы вызвать дух князя Юньлю? Это мир традиционного уся, а не сянься, такие шутки неуместны, они

разрушают сеттинг.

Бог меча, у которого на руках двое неугомонных, вместе с ними сражался с противником, используя силу и ум. Внутри дядюшка Юнь и Юй Си тайком вынесли Призрачные цимбалы и, следуя маршруту, предложенному Юй Си, направились к вершине бамбукового леса.

— Дядюшка Юнь, ты всё ещё сзади? — на лесной тропе Юй Си шёл прямо, но его глаза постоянно оглядывались назад.

— Здесь! — дядюшка Юнь всегда был в хорошем настроении, и Юй Си постоянно видел в нём образ добродушного дядюшки.

— Как будто мы в шпионском фильме, но я вижу, что эта девчонка не из хороших. Вчера она просто впустила меня в свою комнату, не сказав ни слова, а сама задавала кучу вопросов. Я ведь, в конце концов, настоящий мужчина, — бормотал Юй Си, не боясь, что его услышат, ведь рядом был опытный наставник, хотя тот и не особо вмешивался.

В десяти шагах за ними, за бамбуком, Линлун осторожно и с удивлением следовала за ними.

Благодаря дядюшке Юню или Линлун, они без препятствий добрались до вершины. Цин Цю с людьми стоял на пустой вершине, лицом к бамбуковому морю, и играл на цитре. Его цитра, как и Цинь Убийства и Безумия, была пятиструнной, но её поверхность была более потрёпанной, что говорило о её возрасте. Он играл, но звуков не было, и это не выглядело смешно, а скорее как ожидание, что-то, что заставляло сердце чувствовать.

— Мы просто бросим это им или подойдём и передадим сверху? — Юй Си держал в руках красный шёлк, под которым была медная тарелка.

— Ты выше их? — дядюшка Юнь посмотрел на него.

— ...Дядюшка Юнь, не надо переходить на личности! — Юй Си выпрямился. — У меня 176 см, стандартный рост!

Да, именно, стандартный рост для «нижнего». Дядюшка Юнь снова посмотрел на него, только улыбнувшись.

— Двое, наш господин просит вас подойти, — первым не выдержал Цин Цю.

Услышав от Линлун, что они сами принесли Призрачные цимбалы, он, хотя и не понимал, почему они это сделали, не мог упустить шанс и послал слугу.

Юй Си посмотрел на дядюшку Юня, ожидая его решения.

— Скажите вашему господину, что прошлое остаётся в прошлом, и все попытки вернуть его — иллюзия, — дядюшка Юнь не пошёл вперёд, а взял цимбалы из рук Юй Си и бросил их.

Красный шёлк полетел вверх и упал на камень с надписью «Море Невозврата» у ног Цин Цю, а голос дядюшки Юня, спокойный, как лес, донёсся до них:

— Все говорят, что цветы каждый год одинаковы, но люди меняются, не понимая, что цветы, которые расцветают каждый год, — это уже не те цветы.

Цин Цю посмотрел на белую бамбуковую ветвь на Призрачных цимбалах, которая только что расцвела, но уже начала терять цвет.

— Господин! — слуга, осматривавший окрестности, вдруг заметил нечто странное в лесу и с испугом доложил.

Цин Цю посмотрел в указанном направлении — огромный участок бамбукового леса начал желтеть и увядать на глазах, а в центре цветущий бамбук уже превратился в сухую ветку, рассыпавшуюся на ветру.

<http://bllate.org/book/16229/1458479>